

Хамовнический районный суд гор. Москвы

в защиту

Ходорковского Михаила Борисовича и
Лебедева Платона Леонидовича

по уголовному делу №

ХОДАТАЙСТВО

в порядке ст.ст. 236, 239 УПК РФ

Защита заявляет ходатайство о прекращении настоящего, не возбужденного и не расследованного должным образом, уголовного дела с учётом как полной безосновательности обвинения, так и неустранимых последствий допущенных органом предварительного расследования системных нарушений и злоупотреблений, повлекших грубейшие нарушения прав и законных интересов М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева, объединенных едиными целями, несовместимыми с целями правосудия.

При вынужденном (по решению органа предварительного следствия) завершении ознакомления с материалами дела стороной защиты было заявлено аналогичное комплексное ходатайство. Однако в результате созданной на досудебной стадии производства по делу исполнительной властью совместно с прокуратурой при попустительстве судов обстановки круговой поруки вокруг уголовного дела по обвинению М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева, указанное ходатайство было вынужденно адресовано тому органу, который и являлся основным источником нарушений прав обвиняемых и их защитников. Это обстоятельство предопределило судьбу указанного ходатайства - в его удовлетворении следствием было полностью отказано по надуманным и ложным основаниям, а дело с обвинительным заключением направлено в суд.

Мы, тем не менее, констатируем, что грубейшие нарушения фундаментальных конституционных прав и законных интересов, допущенные в отношении М.Б.Ходорковского и П.Л. Лебедева, исключают возможность справедливого рассмотрения и разрешения дела судом в силу того, что совокупность этих нарушений делает невозможным нормальное отправление правосудия по делу, в том числе обеспечение права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В правовом государстве в подобных случаях предусмотрена возможность использования механизма судебного контроля посредством обращения в суд с ходатайством об *остановке процесса в связи с злоупотреблением* по причине невозможности достижения целей правосудия. В наиболее общей форме эта концепция сводится к следующему: если обвиняющие власти серьезно и повторно нарушают основные права обвиняемого или фактически возбуждают

уголовное производство исключительно или в основном на политических или дискриминационных основаниях, хотя и с созданием видимости (имитацией) соблюдения процессуальных норм, то суды не только имеют право, но и обязаны остановить производство по делу.

Указанный подход полностью соответствует и требованиям Конституции РФ (ст. ст. 2, 18) согласно которым человек, его права и свободы являются высшей ценностью, их признание, соблюдение и защита - обязанностью государства, права и свободы человека определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность органов власти и обеспечиваются правосудием.

Ситуация по настоящему делу полностью соответствует указанным выше критериям системных злоупотреблений с созданием видимости соблюдения процессуальных норм, не говоря уже об очевидном отсутствии правовых и фактических оснований предъявленного обвинения.

По данному делу исполнительная власть, действуя через органы уголовного преследования и обвинения, использует процедуру уголовного судопроизводства в отношении М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева вопреки его назначению, предусмотренному ст. 6 УПК РФ, и в целях, не совместимых с правосудием (политических, а также коррупционных, карьеристских, коммерческих).

Такой вывод следует в частности, из результатов судебных процессов, по итогам которых судебные органы Великобритании, Германии, Италии, Швейцарии, Кипра, Лихтенштейна, Литвы, Эстонии отказали властям Российской Федерации в оказании правовой помощи по причине очевидной политической мотивированности “дела ЮКОСа”. Двумя из многих примеров сказанному являются:

- Постановление Федерального трибунала Швейцарской конфедерации от 13 августа 2007г об отказе в международной правовой помощи Российской Федерации по «делу ЮКОСа», поскольку совокупность исследованных судом данных **“отчетливо подкрепляет подозрения в использовании уголовного процесса как инструмента власти в целях подчинения класса богатых «олигархов» и удаления потенциальных или реальных политических противников”**.
- Утвержденное Вильнюсским окружным судом постановление Генеральной прокуратуры Литовской республики от 24 августа 2007г “Об отказе в экстрадиции Российской Федерации Михаила Брудно” так как **“очевидно, что целью обвинений, выдвинутых Российской Федерацией против акционеров и руководителей НК ”Юкос”, несомненно, является преследование и наказание их за их политические взгляды”**.

Сложившаяся по настоящему делу ситуация в рассматриваемом аспекте по сути аналогична ситуации, установленной Европейским Судом по правам человека (далее ЕСПЧ) в деле «Гусинский против России», где ЕСПЧ впервые признал, что российские власти использовали процедуру уголовного преследования не в целях судопроизводства, а в «иных целях»¹.

Системные злоупотребления, повлекшие нарушения конституционных прав М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева, которые не могут быть устранены иным способом, чем прекращение их уголовного преследования, в основном сводятся к следующим (хотя и не ограничиваются ими).

1. Политическая основа уголовного преследования М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева. Фабрикация уголовного дела и иные злоупотребления при организации их незаконного преследования.

Защита утверждает, что прокуратура возбудила уголовное дело против М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева в силу следующих причин:

- так как это облегчало захват собственности в интересах высокопоставленных должностных лиц (в том числе в Администрации Президента РФ) путём организации преследования компании «ЮКОС», её высших руководителей и основных акционеров, в целях снижения стоимости активов компании и незаконных манипуляций с имуществом в интересах тех же лиц;
- в качестве мести за пренебрежение предупреждением не вмешиваться в политическую деятельность в условиях, когда между М.Б.Ходорковским и властями существовали различия во взглядах на развитие политической системы, в частности - о причинах и масштабах коррупции в стране, и серьезные разногласия по поводу

¹ «Суд напоминает, что Статья 18 Конвенции не имеет самостоятельной роли ... Это следует из условия Статьи 18, что нарушение может возникнуть только там, где право или свобода ограничены в соответствии с Конвенцией (см. Кампа против Нидерландов, №4771/71, сообщение Комиссии от 14 июля 1974, (DR) 1, р. 4; Oates против Польши (dec.), no. 35036/97, 11 мая 2000) ... Суд должен установить, преследовало ли задержание кроме того, и следовательно вопреки Статье 18, любую другую цель чем предусмотренную в пп. с п. 1 Статьи 5 ... По мнению Суда, не может быть целью публичного права использование уголовного преследования и ареста как часть коммерческой стратегии. Факты, что Газпром просил заявителя подписать "Июльское соглашение", когда он был в тюрьме, что Государственный министр, подтвердил такое соглашение своей подписью, и что Государственный следователь позже исполнил его, снимая обвинения, настоятельно наводит на мысль, что уголовное преследование заявителя использовалось, чтобы запугать его... В таких обстоятельствах Суд не может не признать, что ограничение свободы истца, использованное в рамках пп. с п. 1 Статьи 5 было применено не только для того, чтобы он предстал перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, но также и по иным причинам. Соответственно имело место нарушение Статьи 18 в сочетании со Статьей 5 Конвенции» (п.п. 73-78 Решения ЕСПЧ по делу «Гусинский против России»).

стратегии развития нефтегазовой промышленности. Так, во время встречи с Президентом РФ 19 февраля 2003 г. М.Б.Ходорковским была публично изложена информация о коррупции в высших эшелонах государственной власти и о неправильном понимании властью стратегических приоритетов развития отрасли, что вызвало резкое неудовольствие высшего руководства страны; с целью воспрепятствовать возрастанию роли оппозиционных сил в Государственной Думе Федерального собрания РФ.

Последующие арест, судебное преследование и осуждение М.Б. Ходорковского и П.Л.Лебедева, равно как и их дальнейшее преследование по новому обвинению в рамках настоящего уголовного дела, направлены на достижение не целей правосудия, а иных целей, а именно: отнять принадлежащую им собственность, исключить возможность её возврата и заставить их замолчать, тем самым устранить в качестве угрозы для высших должностных лиц Администрации Президента РФ и Правительства РФ.

Защита имеет основания полагать, что уголовное преследование М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева было инициировано в 2003г. на самом высоком уровне Администрации Президента РФ при личном участии бывшего Президента РФ В.В.Путина и до настоящего времени контролируется на самом высоком уровне Правительства РФ.

Вслед за арестом П.Л. Лебедева в июле, а М.Б. Ходорковского в октябре 2003 г.:

- были предприняты шаги по выводу их ближайших соратников из состава Государственной Думы РФ;
- проект слияния компаний «ЮКОС» и «Сибнефть» с последующим обменом пакета акций объединенной компании «ЮКОС» на акции крупной международной нефтегазовой компании был остановлен, вслед за чем начался процесс разрушения «ЮКОСа» и присвоения его активов. В обвинительном заключении по настоящему делу действия М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева, направленные на осуществление проекта слияния компаний «ЮКОС» и «Сибнефть» и последующее партнёрство с крупнейшим стратегическим инвестором указаны в числе их обвинений (с. 1677) несмотря на то, что эти действия были не только полностью законными, но и были до начала расправы над Ходорковским и Лебедевым одобрены высшим руководством страны.

Наиболее успешная нефтяная компания ЮКОС была искусственно доведена до банкротства и расчленена. Основной актив «ЮКОСа» - компания «Юганскнефтегаз» был продан с нарушением закона по цене, значительно более низкой по сравнению с его рыночной стоимостью, на непрозрачном аукционе. Результаты этого аукциона были подвергнуты широкой и обоснованной критике во всём мире, но при этом были прямо поддержаны тогдашним Президентом РФ. Выигравшая аукцион компания была (в терминологии, используемой обвинением в настоящем деле) «подставной». Вскоре после аукциона контроль над

«Юганскнефтегазом» был передан государственной компании «Роснефть», председателем Совета директоров которой являлся и до настоящего времени является заместитель Руководителя Администрации Президента РФ (ныне заместитель Председателя Правительства РФ) И.И. Сечин, а Президент РФ В.В. Путин публично заявил, что использование подставной компании было обусловлено необходимостью избежать возможных претензий со стороны акционеров в отношении «Роснефти».

С целью расправы путём незаконного уголовного преследования и дискредитации М.Б. Ходорковского, П.Л. Лебедева, других акционеров, руководителей и сотрудников компании «ЮКОС», содействия присвоению активов компании следствие предприняло ряд противозаконных действий по фабрикации уголовных дел, искусственному созданию «доказательств» их вины.

В этих целях использовались, в том числе, масштабные фальсификации и оказание давления на свидетелей, их запугивание.

1.1.Фабрикация настоящего уголовного дела.

Определив заранее М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева в качестве основных жертв расправы, исполнительная власть руками органов предварительного следствия (вначале Генеральной прокуратуры РФ, а с сентября 2007г. Следственного комитета при прокуратуре РФ при полном попустительстве и поддержке последней), грубейшим образом попирая требования закона о порядке уголовного судопроизводства, осуществила незаконное уголовное преследование последних при отсутствии не только каких-либо доказательств их вины, но даже при отсутствии законных поводов и основания такого преследования.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 149, ч. 1 ст. 156 УПК РФ, расследование любого уголовного дела может быть начато только после его возбуждения. Данное процессуальное решение - не мелкая формальность. Напротив, оно влечёт самые серьёзные правовые последствия, поскольку, в соответствии с ч. 1 ст. 146 УПК РФ, уголовное дело может быть возбуждено не просто по усмотрению уполномоченного должностного лица, а лишь при наличии законных повода и основания, прямо предусмотренных ст. 140 УПК РФ. При этом единственным основанием возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, и не любого, не какого-то вообще преступления, а конкретного. Иное означало бы отсутствие предмета доказывания, определённого ст. 73 УПК РФ применительно к каждому уголовному делу и каждому преступлению, что, в свою очередь, исключало бы возможность разрешения уголовного дела в порядке, предусмотренном законом, т.к. создавало бы возможность произвола.

Конституционным Судом Российской Федерации в ряде своих постановлений (от 14.01.2000 № 1-П, от 23.03.1999 № 5-П и от 27.06.2000 № 11-П) сформулированы правовые позиции, согласно которым **стадия возбуждения уголовного дела является обязательной**; актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием, которое обеспечивает последующие процессуальные действия органов дознания, предварительного следствия и суда,

и одновременно влечет необходимость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность.

Данные правовые позиции были конкретизированы в ряде определений Конституционного Суда Российской Федерации, например, в Определении от 21.10.2008 № 600-О-О: «уголовно-процессуальный закон не содержит норм, позволяющих привлечь лицо в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также изменять и дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с совершением лицом преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось. Напротив, УПК Российской Федерации предполагает необходимость соблюдения общих положений его статей 140, 146 и 153, в силу которых при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, должно быть вынесено постановление о возбуждении уголовного дела, которое при наличии других уголовных дел о совершенных тем же лицом преступлениях может быть соединено с ними в одном производстве».

Из вышесказанного бесспорно следует, что указанный подход полностью относится и к порядку расследования различных преступлений, в совершении которых обвиняется одно и то же лицо. Это же прямо следует из содержания п. 2 ч. 1 ст. 153 УПК РФ: в одном производстве могут быть соединены дела в отношении одного лица, совершившего несколько преступлений. Очевидно, что дела могут быть соединены в одном производстве лишь в том случае, если каждое из них до этого было возбуждено в установленном законом порядке при наличии законных повода и основания.

Аналогичное законодательное регулирование предусмотрено и для выделения уголовных дел. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 154 УПК РФ, если уголовное дело выделено в отдельное производство для производства предварительного расследования нового преступления или в отношении нового лица, то в постановлении должно содержаться решение о возбуждении уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 146 УПК РФ.

При этом законодатель не допускает произвольного подхода, при котором дело возбуждается по признакам одного преступления, а в действительности расследуются какие-либо другие деяния, не образующие предмет доказывания по данному делу. На это обстоятельство указал Конституционный Суд РФ в Определении от 25 января 2007 г. N 13-О. В жалобе С.И. Гречина оспаривалась конституционность статей 156 и 157 УПК РФ и указывалось, что эти статьи, не обязывая дознавателя, следователя и прокурора проводить следственные действия, направленные на раскрытие только того преступления, по признакам которого возбуждено уголовное дело, позволили следователю назначить судебно-медицинские экспертизы с целью проверки его причастности к совершению преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ, хотя на тот момент в отношении него уголовное дело было возбуждено только по признакам преступления, предусмотренного статьей 162 УК РФ. Тем самым, по мнению заявителя, были нарушены его конституционные права, гарантируемые статьями 21, 22 (часть 1), 23 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Формулируя общеобязательную и исключаящую любое иное истолкование в правоприменительной практике правовую позицию по данному вопросу, Конституционный Суд РФ указал: «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в том числе оспариваемые заявителем нормы, предусматривая, что предварительное расследование, включая проведение неотложных следственных действий, начинается с момента возбуждения

уголовного дела (часть первая статьи 156, часть первая статьи 157, часть вторая статьи 162) и допуская при этом возможность производства в ходе проверки сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела отдельных следственных действий, не предполагает тем самым произвольное, за рамками возбужденного уголовного дела или проводимой в соответствии со статьями 144, 146 УПК Российской Федерации проверки сообщения о преступлении, производство следственных действий».

Таким образом, незаконным и недопустимым является расследование без возбуждения уголовного дела любых иных преступлений, чем то, по признакам которого возбуждено уголовное дело. Вопреки указанным фундаментальным требованиям закона и в связи с заведомым отсутствием законных поводов и оснований для возбуждения настоящего дела, его «заказным» характером, расправа под видом уголовного преследования осуществлялась даже без его возбуждения в установленном законом порядке.

Так, 02.12.2004 следователем Каримовым С.К. из уголовного дела № 18/41-03 было выделено и возбуждено уголовное дело № 18/325556-04 «в отношении Ходорковского М.Б., Лебедева П.Л., Моисеева В.В. и других неустановленных лиц», причастных к легализации (отмыванию) денежных средств. В нарушение требований п. 3 ч. 2 ст. 146 УПК РФ в указанном постановлении отсутствуют какие-либо конкретные фактические данные, указывающие на повод и основание для возбуждения уголовного дела, предусмотренные ст. 140 УПК РФ.

Отсутствие основания возбуждения уголовного дела.

Согласно постановлениям о привлечении в качестве обвиняемых и обвинительному заключению, Ходорковскому М.Б. и Лебедеву П.Л. инкриминируется хищение нефти, принадлежащей ОАО «Самаранефтегаз», ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Томскнефть» ВНК. Однако постановление о возбуждении уголовного дела по признакам данного преступления - хищения нефти, в уголовном деле отсутствует.

Уголовное дело № 18/432766-07, в рамках которого было предъявлено обвинение Ходорковскому М.Б. и Лебедеву П.Л., было выделено из материалов уголовного дела № 18/41-03 (так называемое «основное дело ЮКОСа»), которое, в свою очередь, является результатом многократного соединения, выделения большого количества уголовных дел, возбужденных по различным фактам, не имеющим, однако, отношения к хищению нефти.

Анализ материалов уголовного дела № 18\41-03 показывает, что соединенные с данным делом и выделенные из него дела возбуждались по различным фактам, в том числе: уклонения от уплаты налогов и сборов (№ 89051 (том 1 л.д. 56), № 18/325501-04 (том 1 л.д. 60-61)); незаконного отчуждения акций (№ 190911 (том 1 л.д.81-82)); незаконных действий руководителей в отношении имущества, подвергнутого описи (№ 143901 л.д. 31); контрабанды (№ 68797 (том 1 л.д. 59); злоупотребления должностными полномочиями (№ 339409 том 1 л.д. 30);

причинения имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием (№ 08240 (том 1 л.д. 22), № 18/377465-06 (том 120 л.д. 68-69), № 509466 (том 42 л.д. 203-204), № 18/325542-04 (том 1 л.д. 141-142)) и др.

И только два уголовных дела были возбуждены по признакам хищения, а именно преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ: № 18/325531-04 (том 1 л.д. 38-40, л.д. 132-134) и № 18/325505-04 (том 1 л.д. 63-64).

Уголовное дело № 18/325505-04 возбуждено по обстоятельствам неравноценного обмена пакетов акций, принадлежащих ОАО «ВНК», на акции ОАО НК «ЮКОС».

Уголовное дело № 18/325531-04 возбуждено при выделении из уголовного дела 18/41-03, так как, по мнению следователя, было выявлено новое преступление, не связанное с расследуемым. В постановлении о выделении уголовного дела от 06 июля 2004 года признаки выявленного преступления, совершенного Черниковой И.В., Карташовым В.Н., Спиричевым А.В., Вальдес-Гарсиа Антонио и неустановленными руководителями ОАО НК «ЮКОС», описаны следующим образом: «в течение 2001-2003 года реализуя нефть и нефтепродукты, производимые дочерними предприятиями ОАО НК ЮКОС» непосредственно покупателям по рыночным ценам минуя посредников, с целью присвоения выручки, обеспечили под видом сделок купли-продажи фиктивное документальное оформление этих сделок через подставных подконтрольных им посредников. По заниженной цене подставным посредникам, по завышенной рыночной, мировой цене конечным потребителям, а ценовая разница присваивалась». Таким образом, преступное деяние, по признакам которого возбуждено единственное из многочисленных уголовных дел, имеющее хоть какое-то отношение к нефти, усмотрено следствием в присвоении вовсе не нефти, а денежных средств, а именно ценовой разницы от продажи нефти и нефтепродуктов, принадлежащих дочерним ОАО НК «ЮКОС» обществам. При этом ни Ходорковский, ни Лебедев по указанному делу к уголовной ответственности не привлекались и не привлекаются.

Очевидно, что никакие признаки хищения нефти, инкриминируемого Лебедеву П.Л. и Ходорковскому М.Б. по настоящему делу, даже не упоминаются ни в одном из постановлений о возбуждении многочисленных уголовных дел, выделявшихся из основного дела 18/41-03 и соединявшихся с ним. Иными словами, органами предварительного следствия не принималось решение о возбуждении уголовного дела по признакам хищения нефти, инкриминированного Ходорковскому и Лебедеву. ■

По эпизоду легализации также отсутствует предусмотренное законом основание для возбуждения уголовного дела, поскольку в постановлении о возбуждении дела отсутствуют какие-либо фактические данные, свидетельствующие о наличии признаков этого преступления.

Следовательно, и в этой части уголовное дело возбуждено в отсутствие законного основания, а также с нарушением принципа действия уголовного закона в пространстве и установленного законом порядка судопроизводства.

Данный бесспорный факт означает, что признаки указанных преступлений в действиях Ходорковского и Лебедева никогда и никем не были установлены. Следовательно, их уголовное преследование, в том числе предъявление обвинения, собирание доказательств обвинения, осуществлялось заведомо незаконно, при отсутствии возбужденного уголовного дела, то есть при отсутствии законных оснований для такого преследования. Данный факт также бесспорно свидетельствует о заведомом отсутствии и основания уголовной ответственности Ходорковского и Лебедева, предусмотренного ст. 8 УК РФ.

Отсутствие повода для возбуждения уголовного дела

Помимо сказанного выше об отсутствии законного основания возбуждения уголовного дела, в материалах дела не обнаружено ни одного документа, свидетельствующего о наличии какого-либо предусмотренного законом повода для возбуждения уголовного дела, как по эпизоду хищения нефти, так и по эпизоду легализации денежных средств, приобретенных в результате совершения преступления.

Ст. 140 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень поводов для возбуждения уголовного дела. При этом ни заявлений о преступлении, ни явок с повинной, ни рапортов или сообщений из других источников об обнаружении признаков хищения нефти в материалах уголовного дела нет.

Таким образом, не установлено, кто, когда, при каких обстоятельствах и каким образом обнаружил, что у дочерних обществ ОАО «НК «ЮКОС»» выявлена недостача нефти или какие-либо иные признаки её похищения. Причина этого заключается не в халатности следствия, а в том простом факте, что таковые признаки никогда и никем не были выявлены, поскольку не имели места быть в действительности.

02.12.2004 года следователь Каримов С.К. с согласия первого заместителя Генерального прокурора РФ Бирюкова Ю.С. выделил из уголовного дела № 18/41-03 и возбудил уголовное дело № 18/325556-04 по признакам состава преступления, предусмотренного ч.3 ст.174-1 УК РФ, в отношении Лебедева П.Л., Ходорковского М.Б., Моисеева В.В. и других неустановленных лиц (том 1 л.д. 100-103). Никаких ссылок на повод для возбуждения данного дела данное постановление также не содержит. █

Очевидно, что нельзя признать заявления губернаторов и глав администраций Новгородской, Смоленской, Тульской, Тамбовской областей Российской Федерации, послужившие поводом для возбуждения уголовного дела 18/41-03 (основного), таким же поводом и для возбуждения дела 18/325556-04

(выделенного), хотя бы потому, что в указанных заявлениях ничего не говорилось о каком - либо отмывании денежных средств.■

Как следует из постановления о возбуждении уголовного дела 18/41-03, заявления губернаторов и глав администраций ряда областей послужили поводом для возбуждения уголовного дела № 18/41-03 (том 1 л.д.1-3) по ст.ст. 165 ч.3 п. «б», 285 ч.3, 315 УК РФ по фактам причинения крупного имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием ОАО «Апатит», злоупотребления должностными лицами РФФИ своими служебными полномочиями, повлекшего тяжкие последствия, злостного неисполнения служащими коммерческой организации вступившего в законную силу решения суда.■

В постановлении о выделении и возбуждении уголовного дела № 18/325556-04 не указано (а следовательно - не установлено), кто, когда, при каких обстоятельствах и каким образом обнаружил признаки преступной легализации и какие именно.■

При таких обстоятельствах очевидно, что дело в отношении Ходорковского и Лебедева по эпизоду хищения нефти вообще не возбуждалось, а по эпизоду легализации выделено и возбуждено в отсутствие законных повода и основания для этого. Сказанное, в свою очередь, означает, что обвинения в присвоении, то есть хищении нефти, вверенной виновному, с использованием служебного положения, организованной группой в особо крупном размере, т.е. в преступлении, предусмотренном ч. 4 ст. 160 УК РФ; в совершении организованной группой в крупном размере финансовых операций и других сделок с денежными средствами и иным имуществом, приобретенным лицом в результате совершения им преступления, а также использования их для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, то есть в преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 174, ч. 4 ст.174-1 УК РФ, предъявлены Ходорковскому М.Б. и Лебедеву П.Л. в отсутствие законно возбужденных уголовных дел, то есть в отсутствие единственного предусмотренного законом основания для проведения расследования, собирания доказательств и, следовательно, для предъявления обвинения.■

Согласно ч. 2 ст. 1 УПК РФ, порядок уголовного судопроизводства, установленный настоящим Кодексом, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства. Согласно ч. 3 ст. 7 УПК РФ, нарушение норм настоящего Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания в ходе уголовного производства влечёт за собой признание недопустимыми полученных таким путём доказательств.

Поскольку уголовное дело в одном случае не возбуждено, в другом - возбуждено без законного основания и повода, то есть с грубым и неустранимым нарушением установленного УПК РФ порядка судопроизводства, то все собранные по нему доказательства являются недопустимыми, а все процессуальные решения, включая предъявление обвинения, составление и утверждение обвинительного заключения - юридически ничтожными. Такое дело подлежит прекращению по реабилитирующему основанию, а именно за отсутствием состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), поскольку по нему не установлены даже признаки преступления, что безусловно означает отсутствие состава

преступления как основания уголовной ответственности, не говоря уже об отсутствии доказательств совершения преступного деяния.

1.2. Давление на свидетелей

В ходе расследования так называемого «дела ЮКОСа» следственные органы незаконно воздействовали на свидетелей, стремясь получить от них ложные показания на Ходорковского М.Б. и Лебедева П.Л.

В наиболее очевидной форме такое давление проявилось в отношении бывшего руководителя правового управления ОАО НК ЮКОС адвоката В.Г. Алексаняна, который в обвинительном заключении по настоящему делу фигурирует в качестве соучастника П.Л. Лебедева и М.Б. Ходорковского.

В заседании Верховного Суда РФ 22 января 2008 года Алексанян сделал заявление следующего содержания: *«Я готов за каждое свое слово ответить...28 декабря 2006 года меня под предлогом ознакомления с какими-то материалами вывозят в здание Генеральной прокуратуры. Я объясняю, почему я до сих пор в тюрьме и для чего я сижу, умирая здесь. И следователь Каримов Салават Кунакбаевич лично, как оказалось, тогда он только готовил вот эти новые абсурдные обвинения против Ходорковского и Лебедева, предлагает мне сделку. Вот адвокаты здесь присутствуют. При них меня привели к нему, нас оставили одних. Он не имел отношения формального к моему делу, он мне сказал: руководство Генеральной прокуратуры понимает, что вам необходимо лечиться, может быть, даже не в России, у вас тяжелая ситуация. Уже месяц я нахожусь под стражей без лечения. Хотя экспертиза - 22 ноября и говорит мне, нам необходимы ваши показания, потому что мы не можем подтвердить те обвинения, которые мы выдвигаем против Ходорковского и Лебедева, если вы дадите показания, устраивающие следствие, то мы вас выпустим. И предложил мне конкретный механизм этой сделки. Вы пишете мне заявление, чтобы я перевел вас в ИВС на Петровке, 38 и там с вами следователи неделю или две активно поработают, видимо, там легче, так как это МВД, а не ГУИН, ФСИН. И когда мы получим те показания, которые устроят руководство, мы обвиняем их, как он выразился, подпись на подпись, то есть я вам кладу на стол постановление об изменении меры пресечения, а вы подписываете протокол допроса. При этом он мне всячески убеждал это сделать и демонстрировал мне титульные листы допросов якобы других лиц, которые согласились помогать следствию, всевозможным образом пытаюсь меня убедить, что я должен это сделать. Но я не могу быть лжесвидетелем, я не могу оговорить невинных людей, я отказался от этого. И я думаю, какое бы ужасное состояние мое ни было сейчас, Господь хранит меня, потому я этого не сделал, я не могу так покупать свою жизнь...».*

«... В апреле месяце <2007 года> следователь Хатыпов - я называю фамилию, потому что эти люди когда-нибудь должны понести ответственность, - говорит моей защитнице, присутствующей здесь: пусть он признает вину, пусть он согласится на условия и порядок, и мы его выпустим. Все это время, между прочим, мне не то что лечение не назначали, меня не хотели вывезти даже на повторные анализы. Это пытки, понимаете. Пытки! Натуральные, узаконенные пытки!...»

«... а 27 ноября ко мне заявила следователь Русанова Татьяна Борисовна, которая всегда была помощницей ближайшей Салавата Кунакбаевича Каримова,

который сейчас советник генпрокурора Чайки, если кто не знает. И сделала мне опять то же самое предложение, в этот раз в присутствии одного из моих защитников, который сейчас в зале находится: дайте показания и мы проведем еще одну судебно-медицинскую экспертизу и выпустим вас из-под стражи. Это преступники! А когда Европейский суд вынес свое Указание немедленно меня госпитализировать, она <следователь Русанова>, уезжая в командировку, передает моему адвокату через следователя Егорова, который ходит ко мне: предложение остается в силе. Плевать они хотели на Европейский суд! Им надо из меня показания выбить, потому что им процесс нужен постановочный. <...>А я не буду лжесвидетелем. И лгать я не буду. И оговаривать невинных людей я не буду, мне неизвестно ни про какие преступления, совершенные компанией ЮКОС и ее сотрудниками. Это ложь все...»

Реагируя на очевидные и грубые нарушения прав человека, 22 декабря 2008 года ЕСПЧ вынес постановление по жалобе «Алексян против России».

Судом были признаны обоснованными доводы В.Г.Алексяна относительно незаконности его длительного содержания под стражей и бесчеловечного обращения с ним в этот период, в том числе с учётом наличия у него ряда серьёзных заболеваний. При этом Суд оценивал также заявление В.Г.Алексяна о том, что ему длительное время не обеспечивалось адекватное лечение и при этом в качестве условия надлежащего лечения ему предлагали дать показания против М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева. По итогам рассмотрения жалобы Суд сделал следующие выводы:

«В качестве заключительного анализа Суд считает, что власти страны не позаботились достаточно о здоровье заявителя, с тем чтобы обеспечить обращение с ним, не нарушающее статью 3 Конвенции, по крайней мере, до его перевода во внешнюю гематологическую больницу 8 февраля 2008 года. Это подорвало его достоинство и вызвало за собой особенно тяжёлые испытания, причинив ему страдания, выходящие за рамки страданий, неизбежно сопряженных с тюремным заключением и болезнями, от которых он страдал, что являлось бесчеловечным и унижающим достоинство обращением. Таким образом, имело место нарушение статьи 3 Конвенции».

«Подводя итоги, Суд заключает, что с декабря 2006 года власти продлевали срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые нельзя считать «соответствующими» и «достаточными», даже принимая во внимание их совокупное действие. Таким образом, имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции».

Данные обстоятельства, в том числе признанные ЕСПЧ по делу Алексяна, наглядно демонстрируют методы работы следствия, направленные на фабрикацию настоящего уголовного дела, искусственное создание ложных доказательств вины Ходорковского и Лебедева, в частности - путём беззастенчивого давления, вплоть до пыток, оказываемого на лиц, не желающих оговаривать М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева. В то же время, лица, которые соглашались обеспечивать следствие якобы изобличающими их показаниями (например, Голубович), получили от следствия своего рода индульгенцию в обмен на желательные ему показания. При этом следствие не смущало, что в таких показаниях фактически не содержится доказательств вины обвиняемых.

Оно было готово собирать любой, даже лишенный смысла, негативный материал - доказательственный мусор, лишь бы создать видимость наличия обвинительных доказательств по делу.

Общий вывод по изложенному выше разделу 1: всё сказанное выше свидетельствует как о незаконных методах фабрикации уголовного дела, ведения следствия и собирания доказательств, противоречащих требованиям Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод, Конституции РФ, статей 6, 7, 9, 14 УПК РФ и повлекших за собой грубейшее и неустранимое нарушение прав обвиняемых, гарантированных частью 2 статьи 49 и частью 2 статьи 50 Конституции РФ, так и о полном бессилии следствия доказать им же сфабрикованные новые обвинения, выдвинутые против М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева по настоящему делу.

2. Очевидная безосновательность и неустраняемая правовая порочность обвинений, предъявленных М.Б.Ходорковскому и П.Л.Лебедеву

Предъявленное М.Б.Ходорковскому и П.Л.Лебедеву обвинение беспрецедентно как по объему инкриминируемых сумм, так и по масштабам умышленных искажений фактических обстоятельств дела, содержания и смысла норм законодательства, в том числе при правовой оценке инкриминируемых деяний. Утверждения следствия не только не основаны на законе, они внутренне противоречивы, бездоказательны, абсурдны и полностью опровергаются не только доказательствами защиты (которые следствие именно по этой причине упорно отказывалось приобщить к делу), но и очевидными и общеизвестными фактами, и даже обстоятельствами, установленными по делу самой стороной обвинения.

Вследствие указанных системных пороков, а также в силу объективного отсутствия реальных фактических данных о совершении М.Б. Ходорковским и П.Л. Лебедевым каких-либо преступлений, всё обвинение по существу представляет собой ничтожную попытку искусственной криминализации обычной хозяйственной деятельности крупной холдинговой компании ЮКОС. Действуя в указанных выше незаконных целях, обвинение недобросовестно и злонамеренно применяет уголовный закон к правоотношениям, не являющимся предметом его регулирования. Между тем общеизвестно, что в конкретных обстоятельствах применению подлежат те законы, к непосредственному предмету регулирования которых относятся рассматриваемые правоотношения. Поэтому неконституционным является как неприменение относимого закона, так и применение к тем или иным отношениям закона, предметом регулирования которого они не являются.

Характер, содержание и общая направленность предъявленного обвинения и незаконных методов следствия свидетельствуют о злоупотреблении полномочиями органа уголовного преследования и превышении им своих полномочий с целью дискриминации М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева и расправы над ними в связи с их имущественным и социальным положением, а также убеждениями. Это злоупотребление (превышение), как уже было отмечено, осуществляется из политических, коррупционных, карьеристских и иных низменных побуждений.

М.Б. Ходорковскому и П.Л. Лебедеву предъявлены обвинения в совершении действий, которые не являются преступными согласно законодательству РФ.

2.1. Неустранимые пороки обвинения в хищении.

Обвинение в хищении путем присвоения бесосновательно, ибо следствием были незаконно криминализованы легальные действия, представляющие собой обычную хозяйственно-финансовую деятельность компании ЮКОС по заключению и исполнению гражданско-правовых сделок, а также действия большого количества людей, работавших в структуре холдинга ЮКОС, по исполнению своих трудовых (служебных) обязанностей.

Следствие голословно утверждает, что имело место хищение, то есть безвозмездное присвоение имущества. Не зная, как удачнее сфальсифицировать это обвинение в отношении нефти, следствие пошло по примитивному и тупиковому пути сравнения цен внутреннего и внешнего рынка. Однако в связи с очевидным отсутствием фундаментальных и обязательных признаков хищения - противоправности и безвозмездности, в действиях, незаконно и произвольно квалифицируемых как хищение, следствие прибегает к неведомым закону, юридически ничтожным и бессмысленным понятиям: «частичная возмездность», «продажа по заниженной цене», «неэквивалентный обмен», «фиктивный переход права собственности» и другие.

Иными словами, следствие неправомерно, вопреки закону, признает заключённые и исполненные гражданско-правовые сделки преступлением - хищением, тогда как все они являлись правомерными и при этом возмездными действиями. Факт возмездности сделок по существу не отрицается и в самом предъявленном обвинении, хотя следствие и пытается завуалировать его с помощью откровенной демагогии и квазигирической эквилибристики.

Использование подобных уловок лишает обвинение не только какой-либо определённости, но и какой-либо юридической осмысленности. Тем самым не только обвиняемые лишаются возможности реализовать своё право на защиту, но и суд лишён возможности определить пределы судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ), а значит - и возможности разрешить дело в соответствии с законом. В целом, в инкриминируемых деяниях отсутствуют все обязательные признаки хищения, предусмотренные примечанием к ст. 158 УК РФ, а именно: корыстная цель; изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу

виновного или других лиц; противоправность и безвозмездность такого изъятия (обращения); причинение ущерба охраняемым уголовным законом объектам защиты - праву собственности хозяйственных обществ либо иных лиц. Имущественные отношения, к которым относятся отношения по совершению участниками гражданского оборота сделок с принадлежащим им имуществом, в силу ст. 2 ГК РФ регулируются гражданским законодательством. Однако это законодательство обвинением либо игнорируется, либо искажается и попирается.

Помимо вышеуказанных фундаментальных и неустрашимых пороков, обвинение полностью не соответствует требованиям процессуального закона.

Так, следователь обязан указать существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела, а также формулировку предъявленного обвинения (п.3 и 4 ч.1 ст.220 УПК РФ). Эти требования закона, равно как и требования ст.ст. 73, 171, 172 УПК РФ, обязывают следствие при изложении формулировки обвинения и его существа исключить любые неясности и возможность двойственного толкования. В противном случае нарушается фундаментальное право обвиняемого - знать, в чем он обвиняется (п.1 ч.4 ст.47 УПК РФ).

Однако анализ обвинительного заключения, в том числе и самой фабулы обвинения, показывает, что инкриминируемые М.Б. Ходорковскому и П.Л. Лебедеву деяния описаны неконкретно и противоречиво, в связи с чем невозможно осуществлять конституционное право на защиту от выдвинутого обвинения.

Данный порок обвинения также лишает суд возможности определить пределы судебного разбирательства по делу (ст. 252 УПК РФ) и выражается, в самом кратком изложении, в следующем:

- не установлен предмет преступного посягательства: в обвинении и обвинительном заключении одновременно упоминаются нефть, сырьё, углеводородное сырьё, продукция, продукция нефтеперерабатывающих предприятий, денежные средства, иное имущество и имущественные права; не установлены потерпевшие от инкриминированного хищения нефти (или, как указано выше, иного имущества): в качестве таковых названы как дочерние компании НК

ЮКОС - ОАО «Самаранефтегаз», ОАО «Юганснефтегаз» и ОАО «Томскнефть» ВНК, так и само основное общество ОАО НК ЮКОС;

- не установлен способ совершения инкриминированных деяний. В обвинительном заключении упоминаются одновременно несколько взаимоисключающих способов совершения инкриминированных действий, которые при этом не предусмотрены диспозицией ст. 160 УК РФ. Кроме того, ввиду юридической бессодержательности употребляемых обвинением терминов «фиктивный договор» («фиктивная сделка»), «подставная компания» и других понять инкриминированный способ совершения деяния не представляется возможным;
- действия, инкриминируемые непосредственно Ходорковскому и Лебедеву, не конкретизированы, сформулированы декларативно: «принял решение», «дал указание», «организовал», «склонил», «обеспечил» и т.п., без указания на конкретное время, место, способ каждого такого действия. Такой подход следствия к формулированию обвинения (а по существу уловка) не только прямо противоречит приведённым выше требованиям закона (ст. 220, 73, 171 УПК РФ), но и лишает предъявленное обвинение вообще какой-либо содержательности;
- не установлены последствия, в частности - характер и размер вреда, причинённого потерпевшим инкриминированными действиями. В обвинительном заключении, равно как и в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых, отсутствуют указания на такой ущерб, который предусмотрен уголовным законом для инкриминируемого деяния;
 - в обвинении в хищении акций дочерних обществ ОАО «ВНК» отсутствуют обязательные признаки хищения - корыстная цель и безвозмездность завладения чужим имуществом. Инкриминированные по данному обвинению способ и цель совершения хищения невозможны как с юридической, так и с экономической точек зрения. При таких обстоятельствах их следует признать не установленными. Кроме того, по данному

эпизоду имеет место обстоятельство, исключающее уголовную ответственность и влекущее прекращение дела. Несмотря на истечение срока давности по эпизоду хищения акций дочерних обществ ОАО «ВНК», следствие не дало себе труда даже создать видимость выполнения обязанности, возложенной на него требованиями п. 3 ч. 1 ст. 24, ст. 27 УПК РФ. Такая позиция следствия лишней раз свидетельствует о том, что ничего общего с назначением уголовного судопроизводства, предусмотренным ст. 6 УПК РФ, «следствие» по настоящему делу не имеет и носит характер расправы.

2.2. Неустранимые пороки обвинения в «отмывании (легализации)» преступных доходов.

С учётом изложенного выше, данное обвинение является еще более абсурдным, бессмысленным и бессодержательным. Более того, обвинением искажена сама суть преступной легализации доходов, которая заключается в противоправной деятельности по трансформации денежных средств нелегального (преступного) происхождения в легальные активы, либо в иных действиях по сокрытию преступного источника происхождения денежных средств, иного имущества, и приданию правомерного вида владению, пользованию и распоряжению такими средствами (имуществом).

В данном же случае, как это описано в обвинительном заключении, все денежные средства, а также нефть и нефтепродукты, которые обвинение считает предметом легализации (отмывания), изначально являлись легальными, находились на законных счетах и проходили по открытым транзакциям с непрерывным отражением в публичных отчетах компании «ЮКОС», предоставляемых в государственные органы. Данное обстоятельство обесмысливает саму постановку вопроса об «отмывании» этих доходов (имущества) и исключает возможность квалификации инкриминированных действий как преступных, то есть как легализации имущества, полученного преступным путём.

Общий вывод по изложенному выше разделу 2: при таких обстоятельствах суд не может определить ни предмет доказывания, ни пределы предъявленного обвинения, ни, соответственно, пределы судебного разбирательства. Таким образом, отсутствует сам предмет судебного разбирательства. Указанные фундаментальные пороки обвинения и нарушения прав обвиняемых являются неустранимым

препятствием к объективному рассмотрению и разрешению уголовного дела.

3. Отсутствие в деле доказательственной базы, соответствующей требованиям закона.

3.1. Предварительное следствие и сбориание доказательств по настоящему делу фактически не проводилось.

В соответствии с ч. 2 ст. 150 УПК РФ производство предварительного следствия обязательно по всем уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч.ч. 3, 4 ст. 160, ч. 3 ст. 174, ч. 4 ст. 174-1 УК РФ.

Однако по настоящему делу предварительное следствие фактически не проводилось. Так, к уголовному делу приобщено 21 заключение экспертов, и лишь 3 из них проведены по данному делу. При этом все три заключения экспертов касаются не существа обвинений, а состояния здоровья П.Л. Лебедева и его возможности участвовать в следственных действиях (т. 136 л.д. 28-29, 48-50, 243-244). К уголовному делу приобщены 623 протокола допросов 301 лица, и лишь один допрос одного произведён по данному делу (т. 127 л.д. 97-101; протокол допроса свидетеля Кузнецова В.П. от 05.02.2007). Ни одного обыска, очной ставки по настоящему уголовному делу проведено не было. Все многочисленные документы, имеющиеся в настоящем деле, также получены следствием по другим делам и скопированы в настоящем деле.

Таким образом, практически все доказательства были собраны в рамках расследования других уголовных дел, что недопустимо.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Байдулкина указано: «...следственными органами нарушены требования ст. 126 УПК РСФСР («Обязательность предварительного следствия и подследственность»).

По делу фактически не производилось расследование, органы следствия лишь приобщили к делу копии протоколов допросов потерпевших, а также участников преступления и свидетелей по другому делу. В частном протесте прокурора указывалось, что потерпевшие и свидетели были допрошены следственными органами по делу Рыбина, Осипенко и других и повторный их допрос не вызывался необходимостью, в связи с чем прокурор просил отменить определение суда.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР протест оставила без удовлетворения. Как видно из материалов, уголовное дело по обвинению Байдулкина состоит исключительно из копий протоколов допросов, заключений экспертиз и других следственных документов, имеющих в деле по обвинению Шевелева и других осужденных... Дело в отношении Байдулкина было выделено в отдельное производство в связи с его заболеванием и приостановлено до его выздоровления. Никаких следственных действий по выделенному уголовному делу не проводилось. После возобновления производства по делу в связи с выздоровлением Байдулкина следственные органы ограничили расследование лишь предъявлением ему обвинения.

Таким образом, преступление, совершенное Байдулкиным, по данному делу фактически не расследовалось. Утверждение в протесте о том, что потерпевшие и свидетели были подробно допрошены по делу Шевелева,

Рыбина, Осипенко и других и повторный их допрос якобы не вызывался необходимостью, нельзя признать правильным.

Если следственные органы считали необходимым выделить дело в отдельное производство, они обязаны были провести расследование преступления, совершенного Байдулкиным, независимо от материалов, имеющих в другом уголовном деле. И, напротив, если расследование преступления, совершенного Байдулкиным, как утверждается в протесте, проводилось одновременно с расследованием дела Рыбина, Осипенко и других и его действия тесно связаны с преступными действиями этих лиц, то у следственных органов не было оснований выделять дело в отношении Байдулкина в отдельное производство, тем более по смыслу ст. 26 УПК РСФСР выделение дела допускается лишь в случае необходимости, если это не отразится на всесторонности, полноте и объективности исследования и разрешения дела.

Решить же вопрос об обоснованности предъявленного Байдулкину обвинения по копиям следственных документов суд не может».

3.2. Попытки незаконного создания преюдиции.

05 марта 2007 года, когда по настоящему делу было только объявлено о завершении следствия, на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ (<http://genproc.gov.ru/ru/news/index.shtml?id=5578>) была распространена следующая информация.

05 марта 2007 года «Басманный районный суд г. Москвы вынес приговор бывшему гендиректору ООО «Ратибор» Владимиру Малаховскому и бывшему заместителю директора дирекции внешнего долга НК «ЮКОС» Владимиру Переверзину.

Суд признал их виновными в хищении имущества в особо крупном размере, совершенном организованной группой лиц, в состав которой входили ряд руководителей НК «ЮКОС» (ч. 4 ст. 160 УК РФ) и легализации организованной группой денежных средств, приобретенных преступным путем (ч. 4 ст. 174-1 УК РФ). Малаховский и Переверзин приговорены соответственно к 12 и 11 годам лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима. Суд также полностью удовлетворил гражданские иски компаний «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз» и «Томскнефть ВНК».

...Установлено, что Малаховский, Переверзин, Вальдес-Гарсия, являясь руководителями подконтрольных нефтяной компании «ЮКОС» компаний, обеспечили искусственное (только на бумаге) движение сырой нефти через руководимые ими компании, выступая при этом в роли и фиктивных собственников и мнимых покупателей.

В дальнейшем была разработана и применена схема, посредством которой в результате различных финансовых операций похищенные денежные средства легализовывались. В результате деятельности организованной группы сумма похищенного составила 13 млрд. долларов США, из которых 8,5 млрд. было легализовано».

Сторона защиты считает, что следствием и прокуратурой было заведомо незаконно и необоснованно осуществлено искусственное разделение уголовных

дел для того, чтобы обеспечить их рассмотрение отдельно от дела по обвинению М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева, причём раньше его. О манипуляциях с выделением и соединением дел более подробно сказано в соответствующем разделе настоящего ходатайства. Применительно же к попытке незаконного создания преюдиции необходимо отметить, что «упреждающее» вынесение приговора в отношении Малаховского и Переверзина было обеспечено именно для того, чтобы впоследствии, в отсутствие реальных доказательств вины Ходорковского и Лебедева, попытаться со ссылкой на преюдицию незаконно использовать «установленные» этим приговором обстоятельства в качестве квазидоказательств. С этой же целью, в том же Басманном суде в настоящее время осуществляется фарс под названием «заочное судебное разбирательство» в отношении объявленного «скрывшимся» А. Вальдеса-Гарсии, который в действительности открыто проживает в стране, гражданином которой он является. Органы уголовного преследования даже не попытались обратиться с запросом о его экстрадиции, прекрасно понимая, что инициирование этого процесса вскрыло бы масштабные злоупотребления, допущенные в отношении Вальдеса-Гарсии во время «следствия» по его делу с целью получения от него выгодных обвинению показаний.

Показательно, что дело в отношении Переверзина и Малаховского о тех же деяниях, которые инкриминируются М.Б. Ходорковскому и П.Л. Лебедеву, рассматривалось в условиях закрытого (то есть общественно-неконтролируемого) судебного разбирательства, хотя законных оснований к проведению закрытого слушания не имелось.

Попытки защиты осужденных вызвать М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева в суд для допроса по этому делу оказались безрезультатными, а письменные показания М.Б. Ходорковского и ходатайства П.Л. Лебедева о желании дать показания, представленные ими в суд кассационной инстанции, даже не были приобщены к делу.

Таким образом, с помощью указанных незаконных манипуляций с созданием «преюдиции», М.Б. Ходорковский и П.Л. Лебедев изначально, еще до передачи их дела в суд, были лишены права на справедливое судебное разбирательство по их делу независимым и беспристрастным судом.

3.3. Манипулирование доказательствами путём искусственного выделения, соединения и параллельного расследования дел об одних и тех же обстоятельствах.

20 июня 2003 года старшим следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ С.К.Каримовым было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела № 18/41-03 «по признакам преступлений, предусмотренных п. «б» ч.3 ст.165, ч.3 ст.285 и ст.315 УК РФ».

В дальнейшем органами следствия из уголовного дела № 18/41-03 производились многочисленные выделения уголовных дел с присвоением им собственных номеров, а также неоднократные соединения уголовных дел. При этом решения о выделении и соединении уголовных дел принимались не в целях обеспечения полноты, всесторонности и оперативности предварительного следствия, как того требует закон, а напротив - в противозаконных целях искусственного дробления расследования одних и тех же обстоятельств в разных делах. В зависимости от конъюнктурных целей следствием и прокуратурой с необыкновенной лёгкостью принимались взаимоисключающие решения о связанности и несвязанности между собой одних и тех же дел, лиц, обстоятельств, в результате чего создана крайне запутанная и полностью непрозрачная для всех, кроме самого следствия, процессуальная ситуация, в том числе с местонахождением доказательств. Тем самым обвинением были созданы условия для манипулирования доказательствами, сокрытия их от обвиняемых, что повлекло неустранимые нарушения их прав на информацию, на защиту, других прав. Такое манипулирование представляет собой не что иное, как злоупотребление процессуальными правами и полномочиями со стороны обвинения в целях, несовместимых с правосудием.

Так, из материалов настоящего уголовного дела видно, что параллельно в 2004 - 2005 годах шло расследование по уголовному делу № 18/325531-04, по которому 24 декабря 2004 г. было вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого Переверзина В.И.

Из этого постановления следует, что Переверзин В.И. в 2000-2003 гг. в составе организованной группы, в которую входили Ходорковский М.Б., Шахновский В.С., Брудно М.Б., Лебедев П.Л., Елфимов М.В., а также Вальдес-Гарсия Антонио, Малаховский В.Г. и другие неустановленные следствием лица, совершил присвоение вверенного чужого имущества в особо крупном размере и легализацию (отмывание) денежных средств и имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления.

В отношении Переверзина и Малаховского, как отмечалось выше, уже постановлен обвинительный приговор, в отношении Вальдес-Гарсии дело рассматривается судом без его участия. Расследование дела по аналогичному обвинению в отношении Ходорковского и Лебедева объявлено законченным в феврале 2007г., и только в ходе ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемые узнали, что фактически это расследование против них (но втайне от них) велось с 2004 года, то есть в течение нескольких лет до того, как они об этом узнали. В настоящее время незаконность этих действий (бездействия) следствия признана и судом. Так, Ингодинский районный суд г. Читы, рассмотревший жалобы Лебедева П.Л. и его защиты на указанные нарушения, постановил: *«признать бездействия следователей, выразившиеся в несвоевременности уведомления заявителя Лебедева П.Л. о возбуждении уголовного дела № 18/325556-04 и вручения ему копии постановления о возбуждении уголовного дела, допроса в качестве подозреваемого, разъяснения прав, предусмотренных*

ст. 46 УПК РФ, уведомления Лебедева П.Л. о создании состава следственных групп и их изменениях, о продлении сроков следствия по делу - незаконными».

Аналогично велось параллельное расследование против В.Г. Алексаняна, в отношении которого дело было также необоснованно выделено в отдельное производство для облегчения воздействия на него с целью получения изобличающих данных на Ходорковского и Лебедева.

Не располагая всей информацией о манипуляциях следствия с выделением и соединениями дел, имеющих прямое отношение к Ходорковскому и Лебедеву, можно лишь частично представить хронологию этих манипуляций.

2 декабря 2004 года, из уголовного дела № 18/41-03 было выделено уголовное дело в отношении Ходорковского М.Б., Лебедева П.Л., Моисеева В.В. и неустановленных лиц, причастных, по мнению следствия, к легализации денежных средств, и возбуждено уголовное дело № 18/325556-04 в отношении указанных лиц по ч. 3 статьи 174.1 УК РФ, о чём Ходорковский и Лебедев были уведомлены лишь 14.01.2005 без предъявления им каких-либо процессуальных решений. Кроме того, ни Ходорковскому, ни Лебедеву не было обеспечено право дать показания, и их первый допрос в качестве подозреваемых был произведен только спустя более 2-х лет в г. Чите. В дальнейшем, 04.12.2006, после нескольких манипуляций с соединением дел, данное дело вновь соединено с «основным» делом 18-41/03, из которого оно и было выделено. В нарушение закона следствие вообще не уведомило об этом ни М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева, ни их защиту.

26 и 27 декабря 2006 г. Ходорковский М.Б. и Лебедев П.Л. в следственном изоляторе ФГУ ИЗ-75/1 г. Читы, куда они были этапированы на основании постановления следователя, были уведомлены о том, что они являются подозреваемыми по уголовному делу № 18/41-03 в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.174-1 УК РФ. 27.12.2006г., т.е. спустя более 2 (двух) лет, им была предъявлена копия постановления о выделении и возбуждении уголовного дела от 02.12.2004г., в котором утверждалось о якобы имевшей место «дальнейшей легализации» через счета “Group MENATEP Ltd.” «похищенных средств» для благотворительных пожертвований в пользу общественной организации «Открытая Россия».

03 февраля 2007 года следователь С.К.Каримов вынес постановление о выделении из уголовного дела № 18/41-03 в отдельное производство уголовного дела в отношении М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных уже п.п. «а», «б» ч.3 ст. 160 УК РФ (в ред. Федерального закона № 63-ФЗ от 13.06.1996), ч.3 ст.174 УК РФ (в ред. Федерального закона № 63-ФЗ от 13.06.1996), ч.4 ст.160 УК РФ (в ред. Федерального закона № 162-ФЗ от 8.12.2003), ч.3 ст.174 УК РФ (в ред. Федерального закона № 63-ФЗ от 13.06.1996), ч.4 ст.174-1 УК РФ (в ред. Федерального закона № 162-ФЗ от 8.12.2003). Выделенному уголовному делу был присвоен № 18/432766-07.

При этом следует отметить, что явно имеющий политический характер эпизод с «Открытой Россией», указанный в 2004 г. в постановлении о

возбуждении уголовного дела, после поданных Лебедевым заявлений о преступлениях из дела «исчез», а при разрешении ходатайства защиты Ходорковского о представлении информации о процессуальном решении по этому эпизоду следствие уклонилось от ответа на конкретный вопрос и тем самым - от разрешения ходатайства по существу.

03 февраля 2007 года заместитель Генерального прокурора РФ В.Я. Гринь вынес постановление, которым определил местом производства предварительного расследования по уголовному делу № 18/432766-07 г. Читы. Однако, вопреки этому постановлению, фактически подавляющее большинство следственных и иных процессуальных действий производилось в гор. Москве, а в гор. Чите были проведены лишь допросы обвиняемых и ознакомление с материалами дела, что свидетельствует о надуманности указанного решения об определении территориальной подследственности дела, единственной целью которого было максимально изолировать М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева.

Все процессуальные решения по делу принимались следствием исключительно в Москве, то есть вне места предварительного следствия, определённого заместителем Генерального прокурора РФ, несмотря на то, что закон (ч. 1 ст. 152 УПК РФ) предоставляет право проведения вне места предварительного следствия только следственных и розыскных действий в случае такой необходимости, но не предоставляет права принятия других процессуальных решений. Указанные процессуальные решения, как принятые с нарушением требований закона, в силу ст. 7 УПК РФ являются юридически ничтожными. К числу таких ничтожных процессуальных решений и документов, принятых и произведённых вне места предварительного следствия и потому не имеющих юридической силы, относятся и постановления о привлечении Ходорковского и Лебедева в качестве обвиняемых от 29.06.2008, а следовательно - и обвинительное заключение, представленное суду.

Обвинение М.Б. Ходорковскому и П.Л. Лебедеву было впервые предъявлено только 05 февраля 2007 года в Чите. А уже через 10 дней после начала следственных действий с М.Б.Ходорковским и П.Л.Лебедевым - 16 февраля 2007, им было объявлено об окончании следственных действий и предъявлено для ознакомления 127 томов дела. То есть, фактически следствие (а точнее его видимость) было произведено до начала следственных действий с М.Б.Ходорковским и П.Л. Лебедевым по этому делу, без их ведома и участия, с полным ущемлением их прав на участие в судопроизводстве.

В процессе ознакомления обвиняемых с материалами уголовного дела, объявленного «законченным расследованием», в него неоднократно вбрасывались новые материалы, произвольно (исключительно по усмотрению следствия) скопированные из уголовного дела 18-41/03. Многие следственные действия, копии протоколов которых таким способом приобщены к настоящему делу, проведены после 16 февраля 2007 года, то есть после «окончания» расследования по настоящему делу. Данное обстоятельство бесспорно свидетельствует о незаконном проведении параллельного расследования под прикрытием «других» уголовных дел тех же обстоятельств, которые инкриминированы М.Б.

Ходорковскому и П.Л. Лебедеву, без их участия и втайне от них и их защиты. 26.06.2008 ознакомление с материалами уголовного дела было незаконно прервано для предъявления «нового обвинения», которое было предъявлено 30.06.2008, после чего был произведён очередной вброс в дело дополнительных материалов, полученных тем же способом.

Предварительное расследование в отношении М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева намеренно проводилось таким образом, чтобы максимально запутать и затруднить понимание существа разрозненных обвинений, содержания и доказательственной базы многочисленных уголовных дел, заведённых по одним и тем же фактам, и тем самым воспрепятствовать выработке полноценной позиции защиты от необоснованных обвинений. О неясности, абсурдности и внутренней противоречивости обвинения были сделаны заявления при предъявлении обвинения 5 февраля 2007 года, а также в ходатайстве защиты от 22 декабря 2007г. о прекращении дела и при предъявлении «нового» обвинения 30 июня 2008г. Более того, М.Б.Ходорковским и его защитой неоднократно заявлялись ходатайства о разъяснении существа обвинения, однако следствие злостно уклонилось от выполнения и этой обязанности, возложенной на него законом.

Вышеописанные неправомерные действия должностных лиц Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета при прокуратуре РФ, свидетельствующие о сокрытии ими не только доказательств по делу, но и самого факта уголовного преследования М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева на протяжении нескольких лет, являются не только неустранимым нарушением права обвиняемых на защиту от необоснованных обвинений, которым они не могли воспользоваться в связи с тайным характером преследования, но и нарушением права на доступ к правосудию и судебную защиту от произвола заинтересованных лиц. Тем самым нарушено их конституционное право, гарантированное частью 1 статьи 46 Конституции РФ.

Считаем, что предпринятое Генеральной прокуратурой РФ и продолженное Следственным комитетом при прокуратуре РФ необоснованное и незаконное, искусственное разделение дел имеет своей целью манипулирование доказательствами, о котором будет дополнительно сказано ниже.

Раздельное рассмотрение уголовных дел в отношении каждого обвиняемого делает невозможным целостное комплексное восприятие деяний, вмененных в вину участникам так называемой организованной группы, роли и места каждого из них в совокупности, что, в свою очередь, исключает возможность дачи судом полной, всесторонней и объективной оценки указанных обстоятельств, а также свидетельствует о полной фальсификации признаков «организованной группы».

Такое выделение ущемляет право на защиту, искусственно ослабляет позицию М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева, лишенных в результате подобных действий следствия возможности представить суду свою консолидированную позицию в рамках единого дела. Искусственность и незаконность выделения

уголовного дела 18/432766-07 в отношении Ходорковского и Лебедева усугубляется еще и тем, что, по версии обвинения, они являлись организаторами преступлений, совершённых организованной группой. При этом в обвинении и обвинительном заключении упоминается большое количество лиц, отнесённых следствием к числу членов организованной группы, несмотря на то, что большинство из них не были осуждены за указанные в обвинении деяния и не освобождались от уголовной ответственности за них. Таким образом, обвинение, искусственно выделив уголовное дело в отношении предполагаемых организаторов, поставило суд перед необходимостью либо принять на веру утверждения о том, что не осуждёнными и не освобождёнными от уголовной ответственности лицами, названными «исполнителями», совершены определенные преступные действия, либо проводить судебное разбирательство и в отношении этих лиц, не являющихся подсудимыми по данному делу.

Очевидно, что ни то, ни другое недопустимо, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого. Однако суд лишён возможности дать оценку действиям организаторов в условиях, когда отсутствуют исполнители, являющиеся, согласно диспозиции ст. 160 УК РФ, специальными субъектами.

Кроме того, выделение материалов уголовного дела № 18 \432766-07 в отношении Ходорковского и Лебедева (том 1 л.д. 291-292) произведено со следующими грубейшими нарушениями закона:

в постановлении о выделении уголовного дела отсутствует перечень доказательств и процессуальных документов, выделенных из материалов основного дела. В уголовном деле, выделенном в отдельное производство, должны содержаться подлинники или заверенные следователем копии процессуальных документов, имеющих значение для данного уголовного дела (ч. 4 ст. 154 УПК РФ). В соответствии с названной нормой закона, а также приложения 49 к ст. 476 УПК РФ (действовало на момент выделения дела и в силу ст. 4, ч. 2 ст. 1 УПК РФ было обязательным для следователя), в постановлении о выделении уголовного дела должно быть указано, какие именно материалы уголовного дела выделены в отдельное производство, на скольких листах и какие именно сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в них содержатся. Однако в постановлениях о выделении уголовных дел от 02.12.2004 и от 03.02.2007 года эти данные отсутствуют. Следовательно, в нарушение ч. 5 ст. 154 УПК РФ, невозможно достоверно установить, какие именно материалы уголовного дела, выделенного в отдельное производство, могут быть допущены в качестве доказательств по данному уголовному делу;

выделение материалов уголовного дела производилось путём осмотра следователем материалов другого уголовного дела и их выборочного копирования. Такой способ собирания доказательств не предусмотрен нормами УПК РФ и является ещё одной незаконной уловкой следствия, направленной на манипулирование доказательствами и их сокрытие. При этом ни одна из копий, приобщённых к настоящему делу, не

заверена подписями понятых, а доступ к подлинным материалам дела отсутствует. При таких обстоятельствах как сторона защиты, так и суд лишены возможности убедиться в достоверности и полноте этих копий, а также в добросовестности выбора материалов для копирования с точки зрения приобщении к материалам уголовного дела всех материалов основного дела, имеющих к нему отношение. При этом у защиты имеются и были приведены выше веские основания утверждать, что следствием приобщены только те материалы, которые ему выгодны, а остальные скрываются.

3.4. Нарушение равенства сторон в части доступа к доказательствам и их собиранию. Соккрытие доказательств от обвиняемых и их защитников.

Лишение обвиняемых и их защитников доступа к доказательствам, информации, которая необходима для подготовки и обоснования позиции защиты - еще одно существенное и неустранимое нарушение конституционного права М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева на защиту. При такой форме проведения расследования огромное количество документальных доказательств, изъятых следствием, умышленно оставлены за рамками материалов этого уголовного дела. Следствие приобщало доказательства выборочно, однобоко и тенденциозно, а сторона защиты была лишена возможности своевременно, по мере расследования, участвовать в процессе собирания доказательств, требовать приобщения к делу документов, необходимых для защиты.

Вопреки обязанности следствия представлять обвиняемым информацию обо всех имеющихся обвинениях и их основаниях (пункт «а» параграфа 3 статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод), следствие несколько лет скрывало от обвиняемых и их защиты как существо обвинений, так и огромный объём документов, сведений и иных доказательств, особенно с учетом того обстоятельства, что местом производства предварительного следствия был определен гор. Чита, а фактически оно велось в гор. Москве. В частности, стороне защиты неизвестно местонахождение изъятых в ходе обыска финансовых документов и других фактических данных, содержащихся на электронных носителях, без чего невозможно ведение защиты по экономическим делам.

Свидетели допрашивались (и не исключено, что по-прежнему допрашиваются, поскольку расследование по другим делам продолжается втайне от стороны защиты и суда) об одних и тех же фактических обстоятельствах многократно по разным раздробленным делам, после чего отдельные их показания выборочно и в копиях приобщались следствием к настоящему делу, а другие - не приобщались.

По делу была намеренно создана технология, по которой целый ряд доказательств не приобщался к материалам дела, как того требуют ст.ст. 81 и 82 УПК РФ, но и не был возвращён владельцу. Невозвращение этих не приобщенных к делу документов их владельцам (в частности, компаниям и адвокатам, у которых они были изъяты) лишили сторону защиты возможности реализовать свое законное право на запрос этих документов у их владельцев и использование в качестве доказательств защиты.

Распечатка и приобщение материалов с электронных носителей также произведена следствием выборочно, и таким образом совершено сокрытие от защиты и суда доказательств, опровергающих обвинение и невыгодных ему, и искажение смысла приобщаемых документов. При этом защите не предъявляются первичные доказательства, признанные таковыми самим следствием, а именно, изъятые электронные носители, под надуманными предлогами «недостаточности времени на ознакомление с ними» и «неотносимости» этих доказательств к делу.

Такие технологии позволили следствию безнаказанно заявлять, что «собранных доказательств достаточно для вывода о виновности обвиняемых». При этом игнорируются и напрямую нарушаются права защиты на использование документов и иных доказательств, могущих служить доказательствами невиновности. Все ходатайства защиты, направленные на приобщение к делу таких доказательств, неизменно отклонялись следствием под надуманными предлогами. В попытках изобретения таких предлогов следствием додумалось даже до вопиющего в своём правовом невежестве и цинизме утверждения об отсутствии у защиты права на участие в собирании доказательств.

В результате стало возможным манипулирование изъятыми «доказательствами». В том числе, следствием неоднократно осуществлялся неконтролируемый «вброс доказательств» - копий материалов других уголовных дел. Такие действия имели место неоднократно даже после окончания следствия и ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами дела и подписания соответствующего протокола об этом; в одних случаях это было оформлено следствием как удовлетворение ходатайств потерпевшей стороны о дополнении следствия, в другом - было сделано под предлогом предъявления «нового обвинения». При этом приобщенные следствием «доказательства», как это теперь стало известно, были собраны в рамках следствия по «другому» уголовному делу, проводящемуся и в настоящее время втайне от стороны защиты и, соответственно, без какого-либо её участия. Материалы дела таким способом незаконно дополнялись тенденциозно подобранными документами и информацией, а сторона защита лишена возможности осуществлять свои права на стадии досудебного производства. В то же время многократные ходатайства защиты, направленные на прекращение этого манипулирования, на обеспечение полноты доказательственной базы обвинения в одном деле и возможности ознакомиться с ней в полном объеме, раз за разом отклонялись следствием под вышеупомянутыми надуманными предлогами. Кроме того, все протоколы следственных действий, проведённых по другим делам, выборочно скопированные следствием и приобщённые в копиях к настоящему делу после его выделения, являются недопустимыми доказательствами, поскольку, согласно ч. 4 и 5 ст. 154 УПК РФ, в качестве доказательств допускаются только материалы уголовного дела (включая копии), выделенного в отдельное производство. Следовательно, последующее копирование материалов других дел и приобщение копий к материалам настоящего дела является незаконным, а сами такие копии - недопустимыми доказательствами.

Таким образом, М.Б.Ходорковский и П.Л.Лебедев фактически более четырех лет лишены права на защиту, гарантированного статьей 45 Конституции,

так как в нарушение части 4 статьи 46 УПК они не знали, в чем в действительности подозреваются и на чем эти подозрения основываются. Тем самым, в течение этого времени следствием грубо попиралось право М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева, гарантированное пунктом «b» параграфа 3 статьи 6 Европейской Конвенции, на достаточное время и условия для подготовки своей защиты. Следствие вело себя недобросовестно на протяжении всей досудебной стадии производства по делу, и даже при окончании расследования не обеспечило доступ М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева ко всем необходимым для защиты документам и не выполнило даже самых элементарных своих обязанностей, например, такой, как обязанность разъяснить существо предъявленного обвинения.

В результате более 4 лет ведется «защита вслепую», тем самым нарушается основополагающий принцип - равенство сторон в процессе в части доступа к доказательствам. С течением времени эти нарушения стали неустранимыми и невозполнимыми. Об этом, в частности свидетельствуют очередные незаконные действия следствия на завершающем этапе досудебного производства по делу. Так, при составлении обвинительного заключения следствие, оставаясь последовательным в ущемлении прав защиты на участие в собирании доказательств и откровенно попирая императивные требования п. 6 ч. 1 и ч. 4 ст. 220 УПК РФ, не включило в него имевшиеся в его распоряжении перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и перечень лиц, подлежащих вызову в суд со стороны защиты. Тем самым следствие по существу присвоило себе полномочия суда и одновременно скрыло от него эти перечни.

Из изложенного следует, что сторона обвинения, осуществляя расправу над Ходорковским и Лебедевым, теперь вовлекает в эти незаконные действия и суд, умышленно скрывая от него доказательства, свидетельствующие о невиновности обвиняемых, а также позицию стороны защиты в целом, лишив суд возможности надлежащего рассмотрения дела.

3.5. Незаконное производство обысков и выемок в отсутствие судебных решений.

В томе 99, л.д.1-2 находится вынесенное следователем Алышевым В.Н. постановление от 12 декабря 2004 года о производстве выемки в адвокатском бюро «АЛМ Фельдманс» без санкции суда. Там же (т.99, л.д.3-12) имеется протокол выемки, проводившейся 12 декабря 2004г. В томе 100, л.д. 41-42 находится вынесенное следователем Каримовым С.К. постановление от 14 декабря 2004 года о производстве обыска в адвокатском бюро «АЛМ Фельдманс» без санкции суда. Там же (т.100, л.д.43-48) имеется протокол обыска, проводившегося 15 декабря 2004г. Изъятые при обыске документы были осмотрены 1 февраля 2007г., и в тот же день постановлением приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств (т.100, л.д.1-3,10-15). Ранее, в ходе обыска 9 октября 2003 года, незаконно изымались документы в служебном помещении Адвокатского бюро «АЛМ - Фельдманс» у адвоката А.В. Дреля.

Во всех случаях проводившие обыск следователи отлично знали, что обыскиваемые помещения занимают адвокатские образования, и намеренно шли туда для производства обысков (выемок). Об этом свидетельствует прежде всего содержание самих протоколов обысков (выемок) и постановлений об их производстве.

Вышеперечисленные следственные действия являются незаконными, так как статья 8 Федерального Закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре”, обеспечивающая соблюдение адвокатской тайны, предусматривает, что с 1 июля 2002 года проведение следственных действий в отношении адвоката, в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности, допускается только на основании судебного решения. Помимо указанного закона, четкие разъяснения на этот счет давались Конституционным судом РФ (Определения от 8.11.2005 №439-О; от 2.03.2006 №54-О).

Указанные факты очевидного нарушения закона многократно доводились защитой до сведения следствия и надзирающих прокуроров, однако были полностью проигнорированы, что лишний раз подтверждает намеренную противоправность действий стороны обвинения и систематическое пренебрежение ею конституционными нормами.

Общий вывод по вышеизложенному разделу 3: в деле отсутствует какая бы то ни было доказательственная база, соответствующая требованиям закона. Содержащиеся в деле материалы следствия являются недопустимыми и недостоверными доказательствами, а процессуальные решения, принятые незаконно, вне места предварительного следствия - юридически ничтожными, то есть не имеющими юридической силы и не влекущими юридических последствий.

Таким образом, грубейшие, системные (фундаментальные) и неустранимые нарушения, допущенные следствием, полное игнорирование доводов и доказательств защиты, явное нежелание следствия восстанавливать нарушенные права обвиняемых, не оставляют возможностей дальнейшего ведения процесса в соответствии с требованиями УПК РФ, Конституции Российской Федерации и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не говоря уже о том, что оснований для уголовного преследования М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева не имелось и не имеется, а само дело надлежащим образом не было возбуждено и уже поэтому не могло расследоваться.

Все вышеописанные нарушения, взятые в совокупности, приводят к выводу, что по данному делу имеет место злоупотребление правами обвинения, заведомо незаконное преследование М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева, ограничение их конституционных прав не в целях правосудия, а в иных целях, несовместимых с законом и правосудием (политических, коррупционных, карьеристских, коммерческих и т.п.).

На основании изложенного, исходя из гарантий, предусмотренных ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и назначения

уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), учитывая полную безосновательность обвинений, многочисленные, а также грубейшие и неустраняемые нарушения органами уголовного преследования конституционных прав М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева, в частности, права защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (часть 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации) и права на защиту (часть 1 статьи 48 Конституции Российской Федерации), руководствуясь ст.ст. 47, 53, 119, 120, 236, 239, 254 УПК РФ, **ходатайствуем о прекращении по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи с отсутствием состава какого-либо преступления), уголовного преследования в отношении М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева, осуществляющегося с иными целями, нежели цели правосудия и обеспечения справедливого разбирательства.**

Приложение:

Протоколы опроса адвокатом:

1. Косьюско-Моризе Жака от 5.02.2009 г.
2. Лозе Бернара от 4.02.2009 г.
3. Хантера Юджина Майкла от 7.01.2009 г.,

каждый на русском и английском языках с нотариально заверенным переводом и апостилем.

Защитники:

В интересах М.Б. Ходорковского
Лебедева

В интересах П.Л.

« » марта 2009 года